

Андрей
ШЛЯХОВ

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Лев Толстой и жена
Смешной старик
со страшными мыслями

Андрей Леонович Шляхов Лев Толстой и жена. Смешной старик со страшными мыслями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4441999

*Андрей Шляхов. Лев Толстой и жена. Смешной старик со страшными мыслями: АСТ, Астрель, ВКТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-071534-3, 978-5-271-32627-1*

Аннотация

"Я и жена, которую я люблю так, как никто никогда никого не любил на свете. ...Но я все знаю, и крепко обнимаю ее, и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы..." Так говорил о Софье Андреевне Лев Николаевич Толстой. Вот только абсолютно счастливый человек не смог бы написать самую гениальную фразу о несчастных семьях. Таинственная, даже отчасти пугающая личность Толстого притягивала и будет притягивать и писателей, и читателей. Однако акцентируя внимания на последних годах жизни классика, на его странном побеге, не стоит забывать, что юность и зрелость Толстого, его личная жизнь куда как более непонятны и противоречивы. Новая книга известного писателя Андрея Шляхова о великом Льве Николаевиче и его на первый взгляд скромной и тихой супруге.

Содержание

От автора	5
Пролог	8
Глава первая	14
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Шляхов

Лев Толстой и жена.

Смешной старик со страшными мыслями

Я и жена, которую я люблю так, как никто никогда никого не любил на свете, мы всегда живем среди этой спокойной, поэтической деревенской природы... у нас есть наша взаимная любовь, любовь к детям, и мы оба знаем, что наше назначение – добро. Мы помогаем друг другу идти к этой цели. Я делаю общие распоряжения, даю общие, справедливые пособия, завожу фермы, сберегательные кассы, мастерские; а она, с своей хорошенькой головкой, в простом белом платье, поднимая его над стройной ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в лазарет, к несчастному мужику, по справедливости не заслуживающему помощи, и везде утешает, помогает... Дети, старики, бабы обожают ее и смотрят на нее, как на какого-то ангела, как на провидение. Потом она возвращается и скрывает от меня, что ходила к несчастному мужику и дала ему денег, но я все знаю, и крепко обнимаю ее, и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы...

Л. Н. Толстой. «Утро помещика»

Из страстей самая сильная и злая и упорная – половая, плотская любовь... Пока же человечество живет, перед ним стоит идеал и, разумеется, идеал не кроликов или свиней, чтобы расплодиться как можно больше, и не обезьян или парижан, чтобы как можно утонченнее пользоваться удовольствиями половой страсти, а идеал добра, достигаемый воздержанием и чистотою... Род человеческий прекратится? Да неужели кто-нибудь, как бы он ни смотрел на мир, может сомневаться в этом? Ведь это так же несомненно, как смерть. Ведь по всем учениям церковным придет конец мира, и по всем учениям научным неизбежно то же самое. Так что же странного, что по учению нравственному выходит то же самое?

Л. Н. Толстой. «Крейцерова соната»

От автора

Частная жизнь Льва Толстого была увлекательнее любого из его романов. Почему? В первую очередь, потому что Лев Николаевич на протяжении всей жизни пытался обрести счастье.

Далеко не всегда талант, знатное происхождение и финансовая независимость могут сделать человека счастливым.

Самая знаменитая цитата «из Толстого» – начало романа «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Если принять эту фразу за убеждение самого Толстого, то уже по ней можно сделать вывод о том, что в семейной жизни великий писатель был не очень-то счастлив. Иначе бы он знал, что счастье, так же как и его отсутствие, не может быть единым, универсальным. Каждая счастливая семья на деле счастлива по-своему.

Впрочем, в качестве интригующего, провокационного начала, приковывающего внимание к роману, эта фраза великолепна. Лев Николаевич умел завладеть вниманием, умел и удивить, и озадачить. Это относится не только к его творчеству, но и ко всей его жизни, в том числе и семейной.

В «Анне Карениной» можно прочесть следующее: «Левин по этому случаю сообщил Егору свою мысль о том, что в браке главное дело любовь, и что с любовью всегда будешь счастлив, потому что счастье бывает только в тебе самом».

Любовь заложена в основе счастья изначально, и не может быть счастья без любви. «...Счастье бывает только в тебе самом», верно, бывает, если есть любовь...

Была ли любовь в жизни Льва Толстого? И если была, то кого он любил?

Кем стала для великого писателя его жена? Добрым ангелом? Верной почитательницей? Хранительницей домашнего очага? Или, быть может, завистливой недоброжелательницей, ревновавшей мужа к его славе?

Каким мужем оказался Лев Толстой? Нашла ли Софья Андреевна в нем тот идеал, о котором она грезила в юности?

И что представляла собой их семья – союз двух любящих сердец, упоительное единство двух возвышенных душ, ристалище, на котором никому так и не удалось одержать полной победы, или сосуществование двух личностей, основанное на взаимной выгоде?

Может ли гений вообще быть счастлив? Ведь он так непохож на остальных людей?

И можно ли быть счастливой, живя вместе с гением? Не уподобляется ли спутник жизни гения земледельцу, возделывающему плодородные земли у подножия вулкана и постоянно с опаской оглядывающемуся – не началось ли извержение?

Но – довольно вопросов! Пора приниматься за чтение, пора узнавать ответы...

Пролог

В феврале 1854 года Берсам нанес визит их старый знакомый, граф Лев Николаевич Толстой, друг детства матери семейства Любви Александровны. Лев Толстой бывал у Берсов и раньше, но этот визит был особым. Старый знакомый предстал в новом, героическом, облике.

Герой служил на Кавказе, принимал участие в настоящих сражениях, недавно получил офицерский чин и сейчас следовал к новому месту службы – в Дунайскую армию, штаб которой был расквартирован в румынском Бухаресте. Следовало, надо сказать, весьма неспешно, сделав более чем тысячеверстный крюк для того, чтобы побывать дома, в имении Ясная Поляна, расположенном в Тульской губернии, и немного развеяться в первопрестольной. Чин у Толстого был невелик – всего-навсего прапорщик, но благодаря своей манере держаться, манере, в которой энергичность гармонично сочеталась с серьезным, чуточку усталым видом много повидавшего человека, он произвел неизгладимое впечатление на всех трех дочерей врача Московской дворцовой конторы, гофмедика Андрея Евстафьевича Берса. Впечатление это усиливалось щегольским видом бравого воина – роскошной шинелью со стоячим бобровым воротником, новым, с иголки, офицерским мундиром, еще не успевшими потускнеть погонами и приятно поскрипывающей при каждом

движении португеей. Одиннадцатилетняя Лизочка, десятилетняя Сонечка и восьмилетняя Танечка не сводили с гостей сияющих, восторженных глаз – герои бывали у них дома не часто. Отец девочек имел чин коллежского асессора, соответствовавший майорскому, но, увы, в нем не было ровным счетом ничего героического. Обычный врач – участливый взгляд, мягкое обращение и, граничащая с занудством, профессиональная привычка в каждом вопросе непременно докапываться до первопричины.

Восхитительный гость был не только героем, но и писателем. В некоторых персонажах его автобиографической повести «Детство» проступали столь явственные черты родственников Любови Александровны, что у Берсов эта повесть стала семейным чтением, чем-то вроде семейной летописи. Сонечка настолько увлеклась «Детством», что самозабвенно заучивала наизусть огромные отрывки из повести. Память у нее всегда была хорошая.

Отец Любови Александровны Берс, Александр Михайлович Исленьев, был соседом и приятелем Николая Ильича Толстого, отца Льва Николаевича. Оба они были страстными охотниками. Красное, имение Исленьевых, находилось всего в тридцати пяти верстах от Ясной Поляны, благодаря чему Николай Ильич и Александр Михайлович проводили вместе много времени, то и дело гостя друг у друга. Маленький Лева не преминул влюбиться в очаровательную проказницу Любочку, бывшую тремя годами старше его. Любочка не оце-

нила чувства и кокетничала со старшими братьями своего обожателя, за что тот в порыве ревности наказал ее, столкнув с балкона яснополянского дома.

Сергей Берс, брат Лизы, Сони и Тани, рассказывал в своих воспоминаниях: «По свидетельству покойной тетушки Льва Николаевича, Пелагеи Ильиничны Юшковой, в детстве он был очень шаловлив, а отроком отличался странностью, а иногда и неожиданностью поступков, живостью характера и прекрасным сердцем.

Моя покойная матушка рассказывала мне, что, описывая свою первую любовь в произведении “Детство”, он умолчал о том, как из ревности столкнул с балкона предмет своей любви, которой и была моя матушка девяти лет от роду, которая после этого долго хромала. Он сделал это за то, что она разговаривала не с ним, а с другим. Впоследствии она, смеясь, говорила ему: “Видно, ты меня для того в детстве столкнул с террасы, чтобы потом жениться на моей дочери”».

Любочка носила фамилию Иславина, так как считалась незаконнорожденной дочерью от третьего по счету брака своего отца с княгиней Козловской, сбежавшей от первого мужа и тайно обвенчавшейся с Исленьевым. Разъяренный князь Козловский, желая хоть чем-то досадить своей неверной супруге, выставившей его на посмешище, добился признания ее брака с Исленьевым незаконным, из-за чего все шестеро детей от этого брака были лишены права носить настоящую отцовскую фамилию, а были вынуждены доволь-

ствоваться несколько измененным вариантом.

В небольшой казенной квартире Берсов, расположенной в здании Кремлевского дворца, было не слишком просторно, но уютно, несмотря на то, что громоздкая и неудобная казенная же мебель вынуждала не ходить, а обходить, не располагаться, а пристраиваться. Толстого усадили на самый удобный, правда, немного низкий, стул из красного дерева. После его ухода Сонечка в избытке чувств повязала на стул ленточку – праздник, поселившийся в ее душе, требовал каких-то торжественных действий.

Лев Толстой мелькнул ослепительной вспышкой и уехал в Бухарест – сражаться с неприятелем. При мысли о нем – а мысли эти приходили очень часто – сердца трех сестер начинали биться часто-часто, и, должно быть, каждая из них мечтала о том, как в один поистине прекрасный день граф Толстой возьмет ее за руку и поведет под венец. Трепещущее сердце на мгновение замирало, чтобы не спугнуть столь упоительное видение, вокруг начинала звучать волшебная музыка, а темная даже в ясный день квартира наполнялась ослепительным сиянием... Ах, уж эти девичьи мечты, вдохновившие ехидного романтика Беранже посвятить им целое стихотворение:

*Полузакрты мечтами
Юной красавицы взоры.
Блещут на солнце, с цветами,
Кружесв тончайших узоры.*

*Полузакрыты мечтами
Юной красавицы взоры.*

стр1

*Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.
Спит она, будто играя
Всем, что на свете ей мило.*

*Ясно улыбка живая
Мысль перед сном сохранила.*

стр1

*Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!
Видны все проблески чувства,
Хоть не видать ее взгляда.*

*Как хороша! Для искусства
Лучшей модели не надо!*

стр1

*Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной.
Что ж в этой сладкой дремоте
Грудь ей волнует так страстно?*

*Сон чуть коснулся в полете
Этой модели прекрасной...*

(перевод В. С. Курочкина)

Навряд ли в 1854 году Лев Толстой мог всерьез задуматься о женитьбе на ком-то из дочерей Берсов. Все произошло гораздо позже. Одно время казалось, что Лев Николаевич посватается к самой старшей, Лизе, но в итоге «счастье»

улыбнулось Сонечке – именно она стала графиней Толстой. Не была обойдена вниманием графа и Таня, послужившая прототипом Наташи Ростовой из «Войны и мира».

Рука графа досталась средней из сестер, но свою долю страданий получили от него все трое... Впрочем, любая история хороша лишь в том случае, если рассказывается по порядку...

Глава первая

Толстые и Волконские

Граф Николай Ильич Толстой, отец Льва, был хорош собой и очень гордился своим происхождением, шедшим от литовского рыцаря Индроса, который в XIV веке перешел в православную веру и поселился в Чернигове. Праправнук рыцаря Индроса получил от великого князя Василия Темного прозвище Толстый, или, как тогда говорили, Толстой, с ударением на последнем слог. Прозвище стало родовой фамилией, которую прославил

Петр Андреевич Толстой, дослужившийся при Петре I до поста начальника Тайной канцелярии. Высокий пост вместе с богатыми поместьями Петр Андреевич получил за то, что сумел уговорить вернуться в Россию из Неаполя беглого царевича Алексея. На родине царевича вместо отцовского прощения ждали следствие, состоящее из допросов под пытками, тайный суд и тайная же казнь. Все это происходило при деятельном участии Петра Толстого. Императрица Екатерина, признательная Толстому за то, что он расчистил ей путь к трону, в день своей коронации 7 мая 1724 года даровала Петру Андреевичу графский титул.

Сменивший на престоле Екатерину Петр II, сын казненного царевича Алексея, отомстил за смерть отца, сослав Пет-

ра Толстого, недавно разменявшего девятый десяток, в Соловецкий монастырь, где тот и умер в 1729 году. Казалось, что звезда рода Толстых закатилась навсегда, но Бог милостив – в 1760 году императрица Елизавета Петровна возвратила графское достоинство, отобранное у Петра Андреевича Толстого, его внуку Андрею Ивановичу, прадеду Льва Николаевича.

«Про Андрея Ивановича, женившегося очень молодым на княжне Щетининой, я слышал от тетушки такой рассказ, – вспоминал Лев Толстой. – Жена его по какому-то случаю без мужа должна была ехать на какой-то бал. Отъехав от дома, вероятно, в возке, из которого вынута было сиденье, для того, чтобы крышка возка не повредила высокой прическе, молодая графиня, вероятно лет семнадцати, вспомнила дорогой, что она, уезжая, не простилась с мужем, и вернулась домой.

Когда она вошла в дом, она застала его в слезах. Он плакал о том, что жена перед отъездом не зашла к нему проститься».

О родителях своего отца Лев Николаевич вспоминал так: «Бабушка, Пелагея Николаевна, была дочь скопившего себе большое состояние слепого князя Николая Ивановича Горчакова. Сколько я могу составить себе понятие о ее характере, она была недалекая, малообразованная, – она, как все тогда, знала по-французски лучше, чем по-русски (и этим ограничивалось ее образование), и очень избалованная сначала отцом, потом мужем, а потом, при мне уже, сыном

– женщина...

Дед мой, Илья Андреевич, ее муж, был тоже, как я его понимал, человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково-мотоватый, а главное – доверчивый. В имении его, Белевского уезда, Полянах, – не Ясной Поляне, но Полянах, – шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обеды, катания, которые, в особенности при склонности деда играть по большой в ломбер и вист, не умея играть, и при готовности давать всем, кто просил, займы и без отдачи, а главное, затеваемыми аферами, откупам, кончились тем, что большое имение его жены все было так запутано в долгах, что жить было нечем, и дед должен был выхлопотать и взять, что ему было легко при его связях, место губернатора в Казани.

Дед, как мне рассказывали, не брал взяток, кроме как с откупщика, что было тогда общепринятым обычаем, и сердился, когда их предлагали ему. Но бабушка, как мне рассказывали, тайно от мужа брала приношения».

Граф Илья Толстой, промотав как свое весьма солидное состояние, так и состояние жены, сохранил легкость в отношении к деньгам и на губернаторском посту. Губернаторство Ильи Андреевича кончилось скверно – специальная сенатская комиссия занялась проверкой его счетов. По официальной версии граф заболел от расстройства, вызванного проверкой, и вскоре скончался. По неофициальной – он покончил с собой, чтобы избежать позора.

Его сын Николай пытал счастья на военном поприще, но не очень удачно – 14 марта 1819 года он был уволен по болезни в отставку с присвоением чина подполковника. В грозном 1812 году Николай начал службу гусарским корнетом, в скором времени стал адъютантом генерала Горчакова, своего близкого родственника по матери, но затем попал в плен к французам и был освобожден лишь в 1815 году после вступления войск союзников в Париж. Сделать значимую карьеру не удалось. Не видя никаких перспектив в продолжении службы, Николай Толстой вышел в отставку и поселился с родителями (отец его тогда еще был жив) в Казани.

В семье Толстых с детства воспитывалась бедная сиротка из дальних родственниц по линии Горчаковых – Татьяна Александровна Ергольская, которая росла вместе с Николаем и его сестрами Александрой и Пелагеей.

Вот как вспоминал о Татьяне Ергольской сам Лев Толстой: «Третье, после отца и матери, самое важное в смысле влияния на мою жизнь, была тетенька, как мы называли ее, Татьяна Александровна Ергольская. Она была очень дальняя по Горчаковым родственница бабушки. Она и сестра ее Лиза, вышедшая потом за графа Петра Ивановича Толстого, остались маленькими девочками, бедными сиротками от умерших родителей. Было еще несколько братьев, которых родные кое-как пристроили. Девочек же порешили взять на воспитание знаменитая в своем кругу в Чернском уезде и в свое время властная и важная Тат. Сем. Скуратова и моя ба-

бушка; свернули билетки и положили под образа; помолившись, вынули, и Лизанька досталась Тат. Сем., а черненькая бабушке. Таничка, как ее звали у нас, была одних лет с отцом, родилась в 1795 году и воспитывалась совершенно наравне с моими тетками и была всеми нежно любима, как и нельзя было не любить ее за ее твердый, решительный, энергичный и, вместе с тем, самоотверженный характер. Очень рисует ее характер событие с линейкой, про которую она рассказывала нам, показывая большой, чуть не в ладонь, след обжога на руке между локтем и кистью. Они детьми читали историю Муция Сцеволы и заспорили о том, что никто из них не решился бы сделать то же. “Я сделаю”, – сказала она. “Не сделаешь”, – сказал Языков, мой крестный отец, и, тоже характерно для него, разжег на свечке линейку так, что она обуглилась и вся дымилась. “Вот приложи это к руке”, – сказал он. Она вытянула голую руку, – тогда девочки ходили всегда декольте, – и Языков приложил обугленную линейку. Она нахмурилась, но не отдернула руки, застонала она только тогда, когда линейка с кожей отодралась от руки. Когда же большие увидали ее рану и стали спрашивать, как это случилось, она сказала, что сама сделала это, хотела испытать то, что испытал Муций Сцевола.

Такая она была во всем решительная и самоотверженная.

Должно быть, она была очень привлекательная со своей жесткой черной, курчавой, огромной косой, агатово-черными глазами и оживленным, энергическим выражением. В. И.

Юшков, муж тетки Пелагеи Ильиничны, большой волоки-та, часто уже стариком, с тем чувством, с которым говорят влюбленные про прежний предмет любви, вспоминал про нее: «*Toinette, oh, elle etait charmant!*»¹.

Когда я стал помнить ее, ей было уже за сорок, и я никогда не думал о том, красива или некрасива она. Я просто любил ее, любил ее глаза, улыбку, смуглую, широкую, маленькую руку с энергической поперечной жилкой.

Должно быть, она любила отца, и отец любил ее, но она не пошла за него в молодости для того, чтобы он мог жениться на богатой моей матери...»

Это в гору воз поднимается трудно, требуя, чтобы его постоянно волокли или подталкивали, под гору он катится сам по себе, все набирая и набирая скорость. Благосостояние рода Толстых истаяло, словно апрельский снег, поместья были проданы, и отставной подполковник Николай Толстой был вынужден поселиться с матерью и кузиной в Москве (квартира их была весьма скромной) и, ради хлеба насущного, вновь поступить на военную службу. 15 декабря 1821 года его определили в Московское военно-сиротское отделение на должность смотрительского помощника. Иначе говоря, он стал заместителем директора сиротского приюта. Пусть приют был не совсем обычным, а предназначался для детей военных, все равно это обстоятельство ничего не меняло – унынием и бедностью оборачивалась жизнь. Хорошо еще,

¹ «Туанет, о, она была очаровательна!» (фр.).

что Николаю не пришлось заботиться о сестрах. Александра к тому времени вышла замуж за графа Остен-Сакена, а Пелагея – за довольно богатого казанского помещика Юшкова.

Судьба сжалилась над Николаем и послала ему шанс. Шанс звался Марией Николаевной Волконской. Мария была некрасивой, далеко не юной, но очень богатой и принадлежала к знатному роду, ведущему свое происхождение от самого Рюрика, одному из потомков которого в XIV веке достались во владение угодья на берегах реки Волконы близ Тулы. Отец Марии, князь Николай Сергеевич Волконский, не чаял души в единственной дочери, оставшейся без матери в раннем детстве. Ее мать, княгиня Екатерина Дмитриевна Трубецкая, умерла в 1792 году, когда Марии было два года. Благодаря заботам отца Мария получила прекрасное образование. Кроме обязательного французского языка, ставшего родным языком русской аристократии того времени, Мария знала английский, немецкий и итальянский. Она разбиралась в искусствах и сама великолепно музицировала на фортепьяно, а кроме того, была знакома с алгеброй и геометрией.

Как уже было сказано, Мария не была красива, больше всего ее портили густые отцовские брови, хорошо смотрящиеся на многих мужских лицах и совершенно неуместные на женском. Стараниями отца у нее появился жених – один из двух сыновей князя Сергея Голицына, но бедняга умер от тифа до свадьбы. Мария восприняла смерть жениха как знак

свыше и более о замужестве не мечтала, решив посвятить свою жизнь не мужу, а отцу.

Провинциальная жизнь в княжеском имении Ясная Поляна текла размеренно и скучно, пока 3 февраля 1821 года не умер старый князь. Его смерть стала потрясением для дочери, которой недавно исполнился тридцать один год. Мария остро осознала свое одиночество и свою никчемность. Если раньше она жила для отца, то с его уходом жизнь ее потеряла свой смысл.

Оставаться в Ясной Поляне, где все напоминало об отце, было невозможно, и княжна перебралась в Москву, где у нее был собственный двухэтажный дом. Прижилась, освоилась и даже начала выезжать, скорее всего не в поисках подходящей партии (невесты, разменявшие четвертый десяток, в тогдашнем обществе не котировались совершенно), а для того чтобы развлечься.

Граф Николай Ильич Толстой, с которым Мария познакомилась в свете, оказался милым, обходительным и холостым. Познакомились они не случайно, сам Лев Николаевич писал о том, что его родителей свели родственники с обеих сторон. Мария уже и не надеялась выйти замуж, а Николай уже успел смириться с мыслью о том, что окончит дни свои в бедности, считая каждый грош. Но – не сбылось, а, если точнее – сбылись мечты. 9 июля 1822 года княжна Мария Николаевна Волконская вышла замуж за графа Николая Ильича Толстого, отдав ему руку, сердце, нерастраченную любовь, имение

в Ясной Поляне и общим счетом восемьсот крепостных душ мужского пола (то есть восемьсот крепостных крестьянских семей) в Тульской и Орловской губерниях.

Брак, в котором хотя бы с одной из сторон присутствует расчет, зачастую оказывается гораздо крепче брака, заключенного по взаимной горячей любви. Николай с удовольствием устроился под каблуком у жены, превосходившей его умом и твердостью характера, и был рад возможности зажить на довольно широкую ногу. Мария сумела наладить более-менее сносные отношения не только со своей весьма своенравной свекровью, но и с кузиной своего мужа. В семье воцарилась гармония или, может быть, весьма достоверное ее подобие.

21 июня 1823 года Мария Николаевна родила первенца Николая. Вскоре счастливый отец вышел в отставку, московский дом был продан, и все семейство переехало в Ясную Поляну, где Николай Толстой примерил на себя роль помещика, которая пришлась ему по душе. Хозяйственные заботы перемежались с визитами и охотами, а если вечер выдавался тихим, то граф проводил его за чтением – в Ясной Поляне стараниями князя Николая Сергеевича была собрана отличная библиотека.

Жизнь наладилась. 17 февраля 1826 года Мария родила второго сына, которого назвали Сергеем. 23 апреля 1827 года на свет появился третий ребенок – Дмитрий. Годом позже родился четвертый сын, о котором в церковной книге бы-

ло записано: «1828 года, августа 28 дня сельца “Ясной Поляны” у графа Николая Ильича Толстого родился сын Лев, крещен двадцать девятого числа священником Василием Можайским с дьяконом Архипом Ивановым, дьячком Александром Федоровым и пономарем Федором Григорьевым. При крещении восприемниками были: Белевского уезда помещик Семен Иванов Языков и графиня Пелагея Толстова».

Графиня Пелагея Николаевна Толстова приходилась Льву Николаевичу бабушкой по отцу.

2 марта 1830 года у Толстых родилась девочка, которую назвали Марией в честь матери. Роды плохо сказались на здоровье матери – у нее появились сильные головные боли, сопровождаемые лихорадкой. Усилия врачей и молитвы оказались тщетными, несчастная угасала на глазах и 4 августа 1830 года скончалась, оставив пятерых детей своих на попечение безутешного супруга. Семейный союз, сложившийся столь удачно, продлился всего восемь лет.

Спустя почти семьдесят шесть лет, 10 марта 1906 года, Лев Николаевич Толстой напишет: «Целый день тупое, тоскливое состояние. К вечеру состояние это перешло в умиление – желание ласки – любви. Хотелось, как в детстве, прильнуть к любящему, жалеющему существу и умиленно плакать и быть утешаемым. Но кто такое существо, к которому я мог бы прильнуть так? Перебираю всех любимых мною людей – ни один не годится. К кому же прильнуть? Сделаться маленьким и к матери, как я представляю ее себе. Да, да ма-

менька, которую я никогда не называл еще, не умея говорить. Да, она высшее мое представление о чистой любви, но не холодной, божеской, а земной, теплой, материнской. К этой любви тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты приласкай меня. Все это безумно, но все это правда».

У него не было ее портрета, один лишь силуэт, вырезанный из черной бумаги еще в детском возрасте, но это не помешало воображению создать Образ. «Я отчасти рад этому, – признавался Толстой, упоминая об отсутствии изображений матери, – потому что в представлении моем о ней есть только ее духовный облик, и все, что я знаю о ней, все прекрасно... Она представлялась мне таким высоким, чистым, духовным существом, что часто в средний период моей жизни, во время борьбы с одолевавшими меня искушениями, я молился ее душе, прося ее помочь мне, и эта молитва всегда помогала мне». Память о матери превратилась в настоящий культ, которому великий писатель служил всю свою жизнь. Сердце сына принадлежало матери, лучшей из женщин, самой любимой, родной, единственной, и для других женщин места в нем не оставалось.

«Мать моя была нехороша собою, но очень хорошо образована для своего времени, – писал Лев Николаевич. – Она знала, кроме русского, на котором она, противно принятой тогда русской безграмотности, писала правильно, – четыре языка: французский, немецкий, английский и итальянский, – и должна была быть чутка к искусству; она хорошо

играла на фортепиано, и сверстницы ее рассказывали мне, что она была большая мастерица рассказывать завлекательные сказки, выдумывая их по мере рассказа. Самое же дорогое качество было то, что она, по рассказам прислуги, была хотя и вспыльчива, но сдержанна. «Вся покраснеет, даже заплачет, – рассказывала мне ее горничная, – но никогда не скажет грубого слова». Она и не знала их.

У меня осталось несколько писем ее к отцу и другим теткам и дневник поведения Николеньки (старшего брата), которому было шесть лет, когда она умерла, и который, я думаю, был более других похож на нее. У них обоих было очень мне милое свойство характера, которое я предполагаю по письмам матери, но которое я знал у брата; их равнодушие к суждениям людей и скромность, доходящая до того, что они старались скрыть те умственные, образовательные и нравственные преимущества, которые они имели перед другими людьми.

Кроме того, у обоих была еще другая черта, обуславливающая, я думаю, их равнодушие к суждению людей, – это то, что они никогда никого, это я уже верно знаю про брата, с которым прожил половину жизни, никогда никого не осуждали. Наиболее резкое отрицательное отношение к человеку выражалось у брата тонким, добродушным юмором и такую же улыбкой. То же самое я вижу по письмам моей матери и слышал от тех, которые знали ее...

Еще третья черта, выделявшая мать из ее среды, была

правдивость и простота ее тона в письмах. В то время особенно были распространены в письмах выражения преувеличенных чувств: «несравненная, обожаемая, радость всей моей жизни, неоцененная» и т. д. – были самые распространенные эпитеты между близкими, и чем напыщеннее, тем были неискреннее...

Мне говорили, что маменька очень любила меня и называла: «mon petit Benjamin» (намек на библейского Вениамина младшего сына патриарха Иакова. – А.Ш.)».

Глава вторая

Младший брат

После смерти Марии Николаевны обязанности хозяйки дома сами собой перешли к Татьяне Ергольской. Спустя шесть лет Николай Толстой предложит ей выйти за него замуж, но она откажется, пообещав, что по мере своих возможностей будет и впредь стараться заменить мать его детям и никогда не покинет их.

Отдав всю свою нежность детям любимого человека, Татьяна сумела если не заменить им мать, то окружить их не менее сильной любовью. Дети платили ей взаимностью, не чая души в тетушке Туанет, таково было домашнее прозвище Ергольской. Лев Толстой отметит огромное влияние, которое тетушка Туанет оказала на его жизнь. «Влияние это было, во-первых, в том, что еще в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем существом заражала меня любовью. Я видел, чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви. Это первое. Второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни... Главная прелесть этой жизни была в отсутствии всякой материальной заботы, добрых отношениях ко всем, твердых, несомненно добрых отношениях к ближайшим лицам, которые не могли быть нару-

шены, и в неторопливости, в несознании убегающего времени».

Ранние детские воспоминания Льва Толстого полны переживаниями по поводу собственной несвободы. Не в этом ли крылись истоки его вечного стремления идти наперекор всему, всегда поступать так, как хочется, как диктует собственная воля, без оглядки на окружающих, да и на все общество в целом?

«Я связан, мне хочется выпростать руки, и я не могу этого сделать. Я кричу и плачу, и мне самому неприятен мой крик, но я не могу остановиться. Надо мной стоят, нагнувшись, кто-то, я не помню кто. И все это в полутьме, но я помню, что двое; и крик мой действует на них: они тревожатся от моего крика, но не развязывают меня, чего я хочу, и я кричу еще громче...»

«...Посещение какого-то, не знаю, двоюродного брата матери, гусара князя Волконского. Он хотел приласкать меня и посадил на колени, и, как часто это бывает, продолжая разговаривать со старшими, держал меня. Я рвался, но он только крепче придерживал меня. Это продолжалось минуты две. Но это чувство пленения, несвободы, насилия до такой степени возмутило меня, что я вдруг начал рваться, плакать и биться».

До пяти лет Леву воспитывала няня при участии тетушки Туанет, занимавшейся со всеми мальчиками французским языком, а затем он был отдан в руки воспитателя Федора

Ивановича Росселя, добродушного и снисходительного немца. Лева поначалу побаивался нового воспитателя, но быстро привык к нему и даже полюбил. Позже, в повести «Детство», Лев Николаевич не оставит без внимания своего первого воспитателя и опишет его таким, каким помнил, не забыв ни домашнего халата, в котором тот имел обыкновение расхаживать, ни смешного колпака с кисточкой. Писатель лишь сменит имя своего героя с Федора на Карла. «Его доброе немецкое лицо, участие, с которым он старался угадать причину моих слез, заставляли их течь еще обильнее: мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить Карла Ивановича и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь, напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты».

Из братьев он был самым младшим, что обрекало его на вечное им подражание. Братья были разными, и каждый из них был дорог Левушке по-своему. Дмитрий, то ли в силу своего мягкого характера, то ли из-за минимальной, в сравнении с другими братьями, разницы в возрасте, был ближе всего ему по духу. Сергей восхищал множеством своих талантов и некоторой загадочностью. Старший брат, Николай, был неистощим на выдумки и любил изобретать новые игры и забавы. Он весьма увлекательно рассказывал братьям обо всем, что приходило ему на ум, будь то таинственная зеленая палочка, хранящая секрет всеобщей любви, или путе-

шествие на Фанфаронову гору. Братья тотчас же загорались идеями Николая и были готовы пойти ради них на великие жертвы. Так, например, на Фанфаронову гору вместе с Николаем мог отправиться лишь тот, кто выполнит ряд условий. «Условия были, во-первых, стать в угол и не думать о белом медведе, – вспоминал Лев Толстой. – Помню, как я становился в угол и старался, но никак не мог не думать о белом медведе. Второе условие я не помню, какое-то очень трудное... пройти, не оступившись, по щелке между половицами, и третье легкое: в продолжение года не видеть зайца, все равно, живого, или мертвого, или жареного. Потом надо поклясться никому не открывать этих тайн».

Отец, Николай Ильич, детям много времени не уделял. Мог под настроение заглянуть в детскую, посмеяться вместе с детьми над рассказанной им же самим историей, мог попросить прочесть стихотворение и, похвалив за старание, удалиться. Он никогда не был близок к своим детям, так же как и его сын Лев. То ли наследственность сказывалась, то ли маленький Левушка неосознанно скопировал отцовскую манеру поведения и перенес ее в свою семью.

«Помню его в его кабинете, куда мы приходили к нему прощаться, а иногда просто поиграть, где он с трубкой сидел на кожаном диване и ласкал нас и иногда, к великой радости нашей, пускал к себе за спину на кожаный диван и продолжал или читать или разговаривать с стоящим у притолки двери приказчиком или с С. И. Языковым, моим крест-

ным отцом, часто гостившим у нас. Помню, как он приходил к нам вниз и рисовал нам картинки, которые казались нам верхом совершенства. Помню, как он раз заставил меня прочесть ему полюбившиеся мне и выученные мною наизусть стихи Пушкина: “К морю”: “Прощай, свободная стихия...” и “Наполеон”: “Чудесный жребий совершился: угас великий человек...” и т. д. ... Его поразило, очевидно, тот пафос, с которым я произносил эти стихи, и он, прослушав меня, как-то значительно переглянулся с бывшим тут Языковым. Я понял, что он что-то хорошее видит в этом моем чтении, и был очень счастлив этим. Помню его веселые шутки и рассказы за обедом и ужином, как и бабушка, и тетушка, и мы, дети, смеялись, слушая его. Помню еще его поездки в город и тот удивительно красивый вид, который он имел, когда одевался в сюртук и узкие панталоны. Но более всего я помню его в связи с псовой охотой. Помню его выезды на охоту. Мне всегда потом казалось, что Пушкин списал с них свой выезд на охоту мужа в “Графе Нулине”».

Детство Толстого в Ясной Поляне было веселым, и, если бы не ранняя смерть матери, его можно было бы назвать безоблачным. Все вокруг было наполнено любовью, нежностью, счастьем. «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? – писал во взрослом возрасте Лев Толстой. – Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность

любви – были единственными побуждениями в жизни?»

Детям в Ясной Поляне жилось вольготно. Игры, прогулки и всяческие развлечения занимали гораздо больше времени, чем учеба. В особый восторг Левушку приводили ночевки у бабушки Пелагеи Николаевны, выпадавшие поочередно каждому из пяти детей. Бабушка долго мыла руки, пуская при этом презабавнейшие мыльные пузыри, а затем начиналось подлинное волшебство – слепой сказочник из крепостных заводил свой рассказ: «У одного владетельного царя был единственный сын...»

Лева не слушал сказки, его завораживал таинственный вид бабушки, лежавшей в постели, завораживали тени, колеблющиеся на стене в дрожащем свете лампы, завораживали непонятные и оттого казавшиеся торжественными слова. Слова убаюкивали, и Левушка засыпал.

«Бывает за обедом и еще удовольствие, – вспоминал Толстой, – когда на меня обращают внимание и выставляют перед публикой мое искусство составлять шарады.

– Ну-ка, Левка-пузырь (меня так звали, я был очень толстый ребенок), отличись новой шарадой! – говорит отец.

И я отличаюсь шарадой в таком роде: мое первое – буква, второе – птица, а все – маленький домик. Это б – утка – будка. Пока я говорю, на меня смотрят и улыбаются, и я знаю, чувствую, что эти улыбки не значат то, что есть что-нибудь смешного во мне или моих речах, а значит то, что смотрящие на меня любят меня. Я чувствую это, и мне вос-

торженно радостно на душе».

Кроме тетушки Туанет, была еще и тетушка Алин, Александра Ильинична, сестра Николая Ильича, та самая, которая вышла замуж за графа Остен-Сакена. Замужество оказалось крайне неудачным – граф страдал психическим заболеванием, которое делало совместную жизнь с ним опасной в прямом смысле этого слова. Вскоре после свадьбы он попытался застрелить жену из пистолета, а в другой раз вооружился бритвой и чуть было не отрезал несчастной язык. Графа поместили в лечебницу, а беременная Александра поселилась у брата. Пережитые волнения не могли не сказаться на ее ребенке, который родился мертвым. Мать и брат, опасаясь, как бы Александра в отчаянии не наложила на себя руки, солгали ей, что ребенок жив, выдав за него новорожденную девочку, взятую со стороны. Не получив земного счастья, Александра стала искать его на небесах. Она обратилась к Богу, ходила в простых темных одеждах, денно и нощно молилась, строго соблюдала посты, привечала странников, «божьих людей», которые останавливались на ночлег в доме Толстых. От хорошенькой восторженной девушки, какой она была когда-то, остались только голубые глаза, да и они потускнели от горя.

Помещик Темешов, дальний родственник по Горчаковым, живший в сорока верстах от Ясной Поляны, пристроил Николаю Ильичу на воспитание свою незаконнорожденную дочь Дунечку. «Дунечка жила у нас и была милая, простая,

спокойная, но не умная девочка и большая плакса, – вспоминал Толстой. – Помню, как меня, обученного уже французской грамоте, заставили учить ее буквы. Сначала у нас дело шло хорошо (мне и ей было по 5 лет), но потом, вероятно, она устала и перестала называть правильно ту букву, которую я ей показывал. Я настаивал. Она заплакала. Я тоже. И когда на наш рев пришли, мы ничего не могли выговорить от отчаянных слез... Она была не умная, но хорошая, простая девочка, а главное, до такой степени целомудренная, что между нами, мальчиками, и ею никогда не было никаких других, кроме братских отношений».

Когда Леве исполнилось восемь, семья переехала в Москву, чтобы дети могли там продолжить образование, для которого уроков одного лишь Росселя было недостаточно. Левушку переезд страшил – жаль было покинуть родные стены, где все было таким знакомым, таким дорогим, и отправляться в неизвестность. Москва казалась далекой, чужой и даже враждебной.

10 января 1837 года семейство Толстых в полном составе выехало в Москву. Сто девяносто шесть верст «семейный обоз» преодолел за четыре дня – ехали обстоятельно, не спеша.

Москва поразила Леву, мальчику, уютный мирок которого доселе был ограничен Ясной Поляной, открылся настоящий мир! «Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на све-

те, – писал он в «Отрочестве», – что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании».

Поселились в снятом Николаем Ильичом доме Щербачева на Плющихе, ныне это дом № 11. Дом оказался большим – два этажа (правда, один – полуподвальный), фасад в одиннадцать окон, но, в сравнении с яснополянским, казался тесным. Но делать было нечего – пришлось привыкать к московской жизни. К лету мальчик в какой-то мере освоился, но тут пришла новая беда – умер отец. Николай Ильич Толстой не отличался здоровьем и к тому же много пил. 21 июня 1837 года он скоропостижно скончался от апоплексического удара. Произошло это прямо на улице в Туле, куда граф отправился по делам.

«Я очень любил отца, но не знал еще, как сильна была эта моя любовь к нему, до тех пор, пока он не умер», – признавался Толстой в «Воспоминаниях».

Пелагея Николаевна тяжело переживала смерть сына, и хозяйственные заботы приняла на себя Александра Ильинична, в силу своей отрешенности от земной жизни начисто лишенная практицизма. Вскоре финансовые дела семьи пришли в упадок.

«Пришла беда – открывай ворота!» – в том же несчастном 1837 году на Леву обрушилось новое несчастье. Бабушка, тяготевшая к гувернерам-французам, вознамери-

лась уволить добрейшего Федора Ивановича и заменить его неким Проспером Сен-Тома, молодым, бездушным и самодовольным. Педагог из Сен-Тома был никудышный – он не воспитывал своих учеников, а обламывал их, причем делал это грубо и безапелляционно. Лощеный француз настолько пленил старую графиню, что она доверила ему не только воспитание внуков, но и общее руководство чуть ли не дюжиной учителей, дававших им уроки. Федор Иванович умолил старую графиню оставить его при детях без жалованья, так как не в силах был расстаться с ними.

Несмотря на взаимную неприязнь, именно Проспер Сен-Тома первым разглядел в Лева будущего писателя. «У этого ребенка голова! – сказал он однажды. – Это маленький Мольтер!»

Лева рос задумчивым, всегда был занятым собой, своими мыслями. Его постоянно занимал один и тот же вопрос – что думают о нем окружающие, какие чувства испытывают они к нему. Самый младший из братьев был на удивление честолюбив и всячески старался привлечь к себе внимание. Ради этого он мог даже выпрыгнуть из окна второго этажа.

Лева сильно переживал по поводу своей неказистой внешности, особенно усилились эти переживания, когда он впервые влюбился. Его избранницей стала Сонечка Колошина, очаровательная девятилетняя девочка, приходившаяся Толстым дальней родственницей. Мать Сонечки, Александра Григорьевна Салтыкова, была правнучкой графа Федора

Ивановича Толстого, брата графа Андрея Ивановича Толстого, прадеда Льва Николаевича, и, следовательно, приходилась Льву четвероюродной сестрой. Короче говоря – седьмая вода на киселе. В «Детстве» Сонечка Колошина выведена под именем Сонечки Валахиной. «Я не мог надеяться на взаимность, – рассказывает автор устами главного героя Николеньки, – да и не думал о ней: душа моя и без того была преисполнена счастьем. Я не понимал, чтобы за чувство любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было бы требовать еще большего счастья и желать чего-нибудь, кроме того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мне и так было хорошо. Сердце билось, как голубь, кровь беспрестанно прилиwała к нему, и хотелось плакать».

Спустя пятьдесят с лишним лет Льву Толстому захочется написать роман о целомудренной любви, подобной его влюбленности в Сонечку Колошину, любви, «для которой невозможен переход в чувственность, которая служит лучшим защитником от чувственности». К чувственности у Льва Николаевича отношение было двойственным – то и дело проявляя ее в повседневной жизни, он рьяно отрещивался от нее на словах. То ли находил в этом изысканное наслаждение, то ли просто пытался произвести впечатление на окружающих. Привычки, усвоенные в детстве, обычно сохраняются на протяжении всей жизни.

Чувство к Сонечке вскоре сменилось влюбленностью в Любочку Иславину, ту самую, которая впоследствии станет

его тещей. Очаровывали Леву и мальчишки из числа сверстников, он вообще любил все красивое.

В мужчин я очень часто влюблялся, первой любовью были два Пушкина, потом 2-й – Сабуров, потом 3-ей – Зыбин и Дьяков, 4 – Оболенский, Блосфельд, Иславин, еще Готье и многие другие. Из всех этих людей я продолжаю любить только Дьякова. Для меня главный признак любви есть страх оскорбить или не понравиться любимому предмету, просто страх... Я влюблялся в мужчин, прежде чем имел понятие о возможности педрастии (так написано автором. – *А.Ш.*), – но и узнавши, никогда мысль о возможности соития не входила мне в голову. Странный пример ничем не объяснимой симпатии – это Готье. Не имея с ним решительно никаких отношений, кроме по покупке книг. Меня кидало в жар, когда он входил в комнату. Любовь моя к Иславину испортила для меня целые 8 месяцев жизни в Петербурге. Хотя и бессознательно, я ни о чем другом не заботился, как о том, чтобы понравиться ему. Все люди, которых я любил, чувствовали это, и я замечал, им тяжело было смотреть на меня. Часто, не находя тех моральных условий, которых рассудок требовал в любимом предмете, или после какой-нибудь с ним неприятности, я чувствовал к ним неприязнь; но неприязнь эта была основана на любви. К братьям я никогда не чувствовал такого рода любви. Я ревновал очень часто к женщинам. Я понимаю идеал любви – совершенное жертвование собою любимому предмету. И именно это я испытывал. Я всегда

любил таких людей, которые ко мне были хладнокровны и только ценили меня. Чем я делаюсь старше, тем реже испытываю это чувство. Ежели и испытываю, то не так страстно, и к тем людям, которые меня любят, т. е. наоборот того, что было прежде. Красота всегда имела много влияния в выборе, впрочем, пример Дьякова; но я никогда не забуду ночи, когда мы с ним ехали из Пирогова, и мне хотелось, увернувшись под полостью, его целовать и плакать. Было в этом чувстве и сладострастие, но зачем оно сюда попало, решить невозможно; потому что, как я говорил, никогда воображение не рисовало мне любрические картины, напротив, я имею страшное отвращение».

«Два Пушкина» – это Саша и Алеша Мусины-Пушкины, друзья детства Льва Толстого, выведенные им в повести «Детство» под именем братьев Ивиных. О чувстве, которое испытывает Николенька Иртенъев (то есть сам автор) к Сереже Ивину (прототипом которого послужил младший из братьев Мусиных-Пушкиных – Саша), Толстой рассказывает очень подробно: «Его оригинальная красота поразила меня с первого взгляда. Я почувствовал к нему непреодолимое влечение. Видеть его было достаточно для моего счастья; и одно время все силы души моей были сосредоточены в этом желании: когда мне случалось провести дня три или четыре, не видав его, я начинал скучать, и мне становилось грустно до слез. Все мечты мои во сне и наяву были о нем: ложась спать, я желал, чтобы он мне приснился; закрывая

глаза, я видел его перед собою и лелеял этот призрак, как лучшее наслаждение. Никому в мире я не решился бы поверить этого чувства – так много я дорожил им... Я... ничего не желал, ничего не требовал и всем готов был для него пожертвовать. Кроме страстного влечения, которое он внушал мне, присутствие его возбуждало во мне не менее сильной степени другое чувство – страх огорчить его, оскорбить чем-нибудь, не понравиться ему... Я чувствовал к нему столько же страху, сколько и любви. В первый раз, как Сережа заговорил со мной, я до того растерялся от такого неожиданно-го счастья, что побледнел, покраснел и ничего не мог отвечать ему... Между нами никогда не было сказано ни слова о любви, но он чувствовал свою власть надо мною и бессознательно, но тиранически употреблял ее в наших детских отношениях... Иногда влияние его казалось мне тяжелым, несносным, но выйти из-под него было не в моей власти. Мне грустно вспомнить об этом свежем, прекрасном чувстве бескорыстной и беспредельной любви, которое так и умерло, не излившись и не найдя сочувствия».

Таким уж человеком был Лев Толстой – любовь обычно заканчивалась для него разочарованием. Да и само слово «любовь» великий писатель понимал по-своему. «Всякое влечение одного человека к другому я называю любовью», – писал он в «Отрочестве». И пояснял уже в дневнике: «Я понимаю идеал любви: совершенное жертвование собою любимому предмету. И именно это я испытывал».

Можно вспомнить и о «Казаках», где отношения между Олениным и Лукашкой описываются так: «Что-то похожее на любовь чувствовалось между этими двумя столь различными молодыми людьми. Всякий раз, как они взглядывали друг на друга, им хотелось смеяться». Схожая тема затронута и в «Войне и мире», где молодой офицер Ильин «старался во всем подражать Ростову и как женщина был влюблен в него».

25 мая 1838 года умерла бабушка. «Я не жалею о бабушке, да едва ли кто-нибудь искренно жалеет о ней», – писал Толстой в «Отрочестве». Леву поразила сама близость смерти, мальчик открыл для себя, что все сущее имеет конец, и свыкнуться с этой мыслью, конечно же, было нелегко. «Все время, покуда тело бабушки стоит в доме, я испытываю тяжелое чувство страха смерти, то есть мертвое тело живо и неприятно напоминает мне то, что и я должен умереть когда-нибудь, чувство, которое почему-то привыкли смешивать с печалью».

До нашего времени дошла сводка по основным доходам и расходам по всем имениям Толстых на 1837 год, сохраненная Татьяной Ергольской. Доходы были таковы: по Пирогову общая сумма составляла 10 384 рубля; по Никольскому – 12 682 рубля; по Ясной Поляне – 6710 рублей; по Щербачевке – 5285 рублей; по Неручу – 8958 рублей. Итого – 44 019 рублей.

Расходы же были следующие: взносы в Опекунский совет

– 26 384 рубля; подушные за дворовых – 400 рублей; жалованье приказчикам в имениях – 1700 рублей; выдачи по назначению – 400 рублей; разъезды и подарки (не исключено, что речь шла о взятках) – 1200 рублей. Итого – 30 084 рубля.

Остаток составлял примерно 14 000 рублей, но для жизни в Москве этих денег было мало. 8304 рубля, судя по тем же записям, составляло совокупное годовое жалованье учителям, в 3500 рублей обходилась годовая аренда дома. На год жизни в Москве оставалось 2200 рублей. Этих денег не хватало, поэтому после похорон тетушки решили из соображений экономии разделить семью на две части. Четырнадцатилетний Николай и двенадцатилетний Сергей остались в Москве с тетушкой Алин, а Дмитрий, Лев и Мария вернулись в Ясную Поляну с тетушкой Туанетт. Лева был рад возвращению, он скучал по родному дому, а кроме того, ненавистный Сен-Тома остался со старшими братьями в Москве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.